

Материнская любовь не имеет границ, она жертвенна по определению. На что только не готова пойти мать, чтобы сделать ребёнка счастливым, защитить его от произвола судьбы.

Ослеплённая страстью, Марина сгорала от любви к сыну. Только сейчас она осознала, насколько сильно любит своего мальчика. С первого дня эксперимента она попала в другой мир, где сын любит её, хочет близости.

Пусть даже интимной. Она станет первой женщиной в жизни сына, подарит ему мечту. Его первый опыт будет незабываемым, невероятным. Сын не испытает горечи отказа, не погрузится в пучину расставания. Он выпьет чашу первой любви до дна, и сладкое послевкусие будет тянуться с ним ярким воспоминанием всю жизнь. Она научит его не стыдиться чувств, не сожалеть о случившемся. Она будет хранить с ним тайну — одну на двоих. Она выпьет свою горькую чашу до дна, чтобы сын был счастлив, чтобы боль ушла. Она загладит свою вину перед ним до конца.

Так Марина думала, долго ворочаясь в постели перед тем, как уснуть.

На следующее утро она поднялась с твёрдым намерением не возвращаться больше к материнской роли, оставаться желанной в глазах сына. Был день Марии — выходной день на работе Марины. Она вышла из комнаты в синих трусиках и белой маечке с оголённым животом, зашла в ванную, оставив дверь открытой. Умываясь, она вспомнила, что ещё вчера видела сына мастурбирующим над этой раковиной.

«Сына подруги!» — поправила она себя.

Сына подруги она видела голым, мальчик постыдился её. Она должна попросить прощения. В этот момент в зеркале мелькнула фигура Жени. Он замер в коридоре, рассматривая её попу. Марина буквально почувствовала его горячий взгляд на спине. Столько желания и силы было в этом взгляде.

— Доброе утро, — сказала она, улыбаясь в зеркало.

— Доброе утро, — ответил он, улыбаясь в ответ.

— Как спалось?

— Хорошо.

Он продолжал пялиться на её попу, гладил её взглядом.

— Вчера я нечаянно увидела тебя голым в ванной, — она повернулась к нему лицом, скрестила руки на груди. На лице её застыла любимая улыбка искусительницы.

Женя нахмурился, отвёл глаза в сторону.

— Я подумала, что всё должно быть честно.

Он вопросительно поднял глаза.

— Знаешь, что такое честно? — спросила она.

— Честно значит справедливо, — в его глаза мелькнула тень обиды.

— Да, честно значит справедливо. Ты внимательно смотришь?

Он кивнул, не отрывая от неё взгляда.

Она взялась за края маечки и медленно потянула их вверх.

Его глаза загорелись возбуждённым блеском. Взгляд, прикованный к ней, опустился на грудь, скользнул по лобку и бёдрам. Его губы приоткрылись. Женя заворожённо следил за

каждым движением.

Она стянула маечку и осталась перед ним в чёрном спортивном бюстике и синих трусиках.

— Голое тело — самое красивое, что создано на земле. Человек должен любить своё тело.

Стыдиться себя — значит не уважать себя, — она расстегнула бюстик и освободила девочек.

Они двумя куполами заколыхались на груди. — У тебя красивое тело. У меня тоже, — Марина наклонилась и, стянув с себя синие трусики, положила их рядом.

Она стояла перед ним абсолютно голая, только вчерашняя брошка оставалась в пупке. Вялые пористые соски торчали пупырышками вверх, на лобке тонкая свечка коротко подстриженных волос заканчивалась складочкой вагины.

Марина вызывающе смотрела на сына серьёзным не терпящим улыбок взглядом. Он не выдержал и стыдливо отвёл глаза.

Она улыбнулась.

— Ты не против, если я похожу так по квартире? — её ласковый голос прозвучал загадочно даже для неё самой.

Он покачал головой. Конечно, он был не против. Он был смущён, напуган. Но этот стыд пройдёт, думала она, он научится воспринимать её тело спокойно. Её нагота больше не будет пугать его.

— Тогда идём, я приготовлю тебе завтрак.

Она всё же надела белые стринги. Босиком на цыпочках поскакала на кухню, где Женя уже занял любимое место возле холодильника. Он встретил её довольной улыбкой, его горящие глаза, не отрываясь, следили за колыханием груди.

— Что тебе приготовить? — скрывая волнение, спросила Марина.

— Омлет, — тихо ответил он.

Она подошла к плите и, оставив на секунду мысли о ласковых любящих глазах сына, начала готовить. Приятное тепло распространялось по телу, внизу живота. Ей хотелось выгибать спину, как кошка. Мужское внимание возбуждало, она поднималась на цыпочки, вытягивалась к шкафчику. Внутри неё играла музыка. Марина включила радио. Пританцовывая, она готовила омлет.

— Может, тоже разденешься? — спросила она, сдерживая смех.

— Нет, — он усмехнулся.

— Чего так? — она уже раскладывала омлет по тарелкам.

— Холодно, — рассмеялся он.

Она подхватила его смех, села напротив. Грудь свисали над краем стола, непривычно колыхались в такт с движением рук.

— Я бы хотела, чтобы ты не стеснялся меня. Может быть, я смогу нарисовать тебя.

Недавно у Марины появилось новое хобби: рисовать карандашом во время приёма экзаменов. Время уходило много, скучно сидеть часами в экзаменационной комиссии. Вот она и приноровилась рисовать.

— Голым? — заинтересовался Женя.

— Конечно.

Он смущённо улыбнулся, но тут же понурил взгляд в стол. Улыбка сошла с лица, Женя задумался, и Марина не стала тормозить его расспросами.

«Не всё сразу, — думала она. — Надо дать ему привыкнуть. Скоро он сам проявит

инициативу».

Прошло ещё пару недель. Марина регулярно ходила по утрам в одних трусиках. Днём после работы она надевала топики, шортики, вечером — обтягивающие вечерние платья. Дни мамы остались в прошлом. Скоро Женя заметил, что новая мама нравится ему больше, чем прежняя. Тётя Мария тоже проявляла материнство, делала это легко и развязно. Так лучшая подруга заботится о мальчике, временно оставшемся без присмотра. Было что-то задорное в её манере общаться с юных хозяином квартиры. Она заигрывала с ним, соблазняла, дружила и в то же время подтрунивала.

Однажды она, полная решимости и озорства, заскочила к нему в комнату, подкралась, по-кошачьи расправив ногти, и накинулась, запустив пальцы в волосы.

— А-м! — пошутила она.

Быстро наклонилась и присосалась к губам. Её язык проник глубоко в рот и тут же вышел. Она сделала шаг назад, разглядывая сына.

— Как там девушки из интернета, не пристают к тебе? — спросила она со смехом. — А то я уже начинаю ревновать.

Он не нашёлся, что сказать. Сидел, очарованный игривым настроением тёти Марии. Красное платье плотно облегалось круглые бёдра под узкой талией, груди без бюсттика свободно колыхались под тянущейся тканью.

Что он мог ответить маме-красотке? Девушки из интернета не пристают к нему, да и не пристанут, потому что короткие вялые хвостики не интересуют их. Они и в глаза-то ни разу не видели таких маленьких писечек. Они трахаются с жеребцами, котята с пипетками их не интересуют...

Марина Дмитриевна уже в который раз заметила, как неожиданно меняется настроение сына. Только что он улыбался, и вот уже сидит хмурый, опустив глаза в пол.

«Что-то тревожит его», — вздохнула она про себя, но не подала виду.

— Массаж? — тем же весёлым тоном предложила она.

Женя всегда с удовольствием делал массаж шеи и спины. В этот раз Марина стянула с себя платье и осталась перед сыном в одних стрингах. Она легла спиной на кровать. — Что-то у меня грудь побаливает, — сдерживая хитрую улыбку, с притворной усталостью произнесла она.

Женя в растерянности топтался перед ней, глаза, не отрываясь, следили за колыханием твёрдых сосков, окружённых бледными ореолами.

— Ну что, так и будешь смотреть? Или всё-таки сделаешь массаж? — Марина недовольно поджала губы.

Он опомнился, подсел рядом, дрожащей рукой выдавил массажное масло в руку. Первое прикосновение к твёрдой долине между холмами заставило Марию Дмитриевну выгнуть спину и прикрыть веки.

— Да, вот так, — промурлыкала она.

Её грудь высоко вздымалась, Женины движения становились всё увереннее. Она гладила его по голове в этот момент, уже оставив вялый пенис. Тот быстро сморщился и спрятался в чехольчик.

— Вот так, милый, — шептала она. — Поласкай меня. Ты мой маленький герой. У тебя

красивый член и с яичками всё в порядке. Иногда они не опускаются.

Женя оторвался на секунду от груди.

— Я люблю тебя! — восторженно сказал он, оживляя её счастливой улыбкой.

— Я тоже тебя люблю, малыш, — она накрыла его губы своими.

***

После этого случая надежды Марины на счастливое будущее сына пошатнулись. Она стала чаще задумываться о том, как сын будет справляться с супружеским долгом. Вряд ли здоровая вменяемая девушка согласится жить с импотентом. Для этого нужно слишком много денег или любовник на стороне. Или любовник в постели... Или девушка должна быть инвалидом, или страшненькой, или сын должен научиться удовлетворять её искусственным членом, или пальцами, или языком... Все варианты рассеивались перед лицом колющей действительности: сын не станет бороться с одиночеством, он сдастся, останется брошенным судьбою, инвалидом. Его бесплодная жизнь закончится без любви и отношений. Он найдёт причину своих проблем и до конца дней будет проклинать её — нерадивую мамашу, которая так нелепо пыталась загладить свою вину, влюбив его в себя.

Неожиданно Женя начал проявлять инициативу. Один раз он подошёл к ней на кухне, обнял со спины, и, когда она повернулась, притянул её за шею и поцеловал нежно в губы. Он впервые по-мужски взял своё. Его руки опустились на её попу, потом переместились на груди, помяли их, нащупали края бюстгалтера. Пальчики скользнули под пуловер, потянулись чашечки, нащупали соски, ухватились за них. Женя в этот момент улыбался так же задорно, как это обычно делала она. Только теперь он провоцировал её, а не наоборот.

— Так нравится? — спросил он, повторяя её слова.

— Да, очень, — подыграла она.

— Мне тоже, — он подёргал за соски. — Я хочу сделать тебе массаж.

— Прямо сейчас? — Марина положила губку рядом с раковиной.

— Да, прямо сейчас. Иди ложись на кровать, а я сейчас схожу за маслом, — его голос слегка охрип от возбуждения.

Он пришёл через минуту. Марина уже лежала, раздевшись до пояса. Грудь, придавленные к грудной клетке, слегка разъехались. Женя забыл про масло и сразу присосался к соскам, он играл с ними нежным шершавым язычком. Как котик, мурлыкал что-то под нос. Его руки гладили Марину, искали контуры таза, обвивали талию. Он тёрся об неё пахом: сначала об коленку, потом выше, наконец втиснулся между ног и прижался через одежду к влагилицу. Его мягкие формы под спортивными штанами вдавливались в ложбинку в шортиках. К тому же, Женя не делал характерных мужских движений. Он ласкался: жался к ней, как к мягкой игрушке, большой кукле с аппетитными формами.

В другой раз он стянул с неё трусики, когда они лежали в зале перед телевизором. Она была в юбке и топике, лежала почти прижавшись к нему спиной, когда его рука осторожно проникла под юбку, нащупала трусики и вытянула их к щиколоткам.

— Без трусиков намного лучше! — сказал он, возбуждённо улыбаясь, забирая смятые трусики себе в карман.

Она не возражала. Её роль заключалась в поощрении любой сексуальной активности с его стороны, она хотела, чтобы он хотел её.

«Пока в нём живёт мужское желание, я должна помогать ему быть мужчиной», — настраивала она себя.

Иногда Женя брал её руку и засовывал себе в штаны. Пока Марина натирала шишечку пениса, он целовал её в губы, мял груди. Так они лежали по пол-часа и останавливались, когда Женя просил отдохнуть. Он редко кончал, часто распознать оргазм вообще не представлялось возможным. В любом случае, думала Марина, ласки приносят удовольствие сыну, стимулируют его к проявлению либидо.

Либидо. Она забыла как важно чего-то хотеть. Её роль любовницы в жизни Михаил Ронина была пассивной. Он имел её как породистую лошадь в конюшне. «Сколько у него ещё таких?» — часто задумывалась Марина. Их встречи стали реже — всего пару раз в месяц.

«Михаил наверняка нашёл себе молодую, — с ненавистью думала она. — И держит меня про запас».

Женя был единственным человечком, который по-настоящему любил её. Марина понимала это и полностью отдавалась порочной любви. В её сознании сын уже давно не являлся только сыном, прежде всего он был любящим мужчиной, пускай и слабым — не важно — она готова сойти с ума с любим, кто полюбит её настоящей любовью.

***

Женя влюбился. Игра, навязанная мамой, захватила с головой. Он больше не задумывался о физическом родстве с тётёй Марией. Она была и оставалась для него свободной любовницей — услужливой, опытной, доброй. Оставалось одно немаловажное обстоятельство — девственность. Она тяжким бременем лежала на душе. Если бы не слабая потенция, Женя давно бы попробовал заняться сексом, но страх неудачи сковал мысли, обездвижил эмоции. — Сколько мужчин у тебя было? — спросил он как-то раз Марию Дмитриевну.

Та смутилась, на секунду забыла про роль тётки Марии.

— Три, — наконец ответила она.

— Это мало или много?

Они лежали в зале, прижавшись друг к другу. Женя гладил свою девушку по попе и талии. Иногда его рука скользила к груди, проверяла упругость шаров. Оба они были в одежде. Мария — в красном обтягивающем платье без ливчика.

— Главное не количество, а качество, — ответила она, помедлив.

— Какое качество?

— Любовь. Если любишь, значит живёшь. Если — нет, то и количество не поможет.

Женя запутался. В этот момент ему показалось, что он услышал маму. Он хотел спросить про папу, но тогда игра могла бы закончиться, а этого он никак не мог допустить.

— Расскажи, как у тебя было в первый раз.

— В первый раз... — Марина задумалась. — В первый раз всегда страшно. Я очень волновалась, не знала, что получится. Но если любишь, то обязательно получится. Как у нас с тобой, — она взяла его руку в свою и поцеловала.

— У нас ещё ничего не было.

— Вот как? — весело отозвалась Мария.

— Думаешь я не знаю, как должно быть на самом деле?

— Думаю, знаешь. У тебя ведь уже была девушка.

Женя не нашёл, что ответить. Закусив губу, как всегда в моменты крайнего напряжения, он тщательно обдумывал следующий ход.

— Тебе, правда, нравятся девственники? — спросил он тихим робким голосом.

— Я от них просто без ума. Жаль, что я не могу стать твоей первой девушкой.

— Можешь, — прошептал Женя и тут же испугался.

— Могу? — она перевернулась и встретилась с ним глазами. Загадочный блеск озарил её лицо.

— Да, — он заволновался ещё больше. Продолжил шептать: — Я тебя обманул. У меня никогда не было девушки.

— Это же прекрасно! — казалось, от волнения у тёти Марии захватило дыхание. — Ты не представляешь, как я рада, — она поцеловала его в лобик, потом в носик, наконец в губы.

— Ты сможешь мне? — спросил он опять шёпотом.

— Конечно. Я бы очень хотела быть у тебя первой.

— Почему?

— Чтобы ты помнил меня.

— Я и так тебя буду помнить, — сказал он, улыбаясь.

— Это хорошо, — она погладила его по щеке и поцеловала.

В глазах тёти Марии Женя с удивлением прочитал тоску, отчаяние, которые часто настигали её в самые откровенные моменты.

— Я тебя не забуду, — повторил он серьёзно и погладил её по щеке. — Не бойся.

Шоколадные глаза наполнились слезами.

***

Марина дремала, когда Женя прокрался к ней в спальню и юркнул под одеяло. Она обняла сына, на нём были только трусики и маечка. Он прижался к ней всем телом, ещё горячим после постели, и сразу начал целовать. Это был мужской порыв, в котором она сразу почувствовала желание овладеть. Он быстро стянул с неё пижамку: штанишки и маечку, затем трусики. Она осталась лежать перед ним голая. Под одеялом тёплый воздух смешивался с холодным между двумя разгорячёнными телами. Женя страстно облизывал соски, возбуждая её женское желание. Бёдра распахнулись, обхватили его юное тело. Он уже стянул с себя трусики и хаотично тыкался пахом в её текущее влагище. Она прижала его тело к себе, полностью сцепив ноги за его спиной.

— Да, мой хороший, вот так, — стонала она, помогая ему держать курс.

Руками она гладила его ягодицы. Впивалась ногтями в нежную кожу, притягивала его к себе за бёдра, желая поскорее почувствовать его внутри.

Но он оставался мягким и гибким, как пальчик с желатином. Пенис прижался к складкам влагища, уткнулся головкой в клитор и тёрся так, движимый телами. Он весь лежал в плоскости влагища, погрузился в мягкую полость, оставался в ней, но вне её. Женя в отчаянии забил бёдрами. Пенис задёргался, упал вниз к анусу. Теперь мальчик тёрся об клитор лобком. Он бился во влагище, бессильно сражался с неприступной стеной, которая гостеприимно ждала его, распахнув влажные объятия. Марина текла смазкой, внешние губы раскрылись, внутренние — покрытые прозрачным выделением — ждали остроты проникновения. Ведь для входа необходима самая малость — немного твёрдости и решительности. То, чего не хватало Жене. Он бился об неё теряя силы.

Наконец, утратив ритм и дыхание, он рухнул на неё и расплакался. Сначала беззвучно, но постепенно — она предчувствовала беду — он затрясся над ней в рыданиях.

— Ну что ты, милый, — гладила она его по спине. — Мне так понравилось. Давай, я поласкаю тебя.

Он отрицательно замотал головой. Как же она хотела помочь ему в этот момент, но

чувствовала, что любая помощь вызовет в нём ещё больший протест.